Arabazhin, Konstantin Ivanovich
Poėt mirovoĭ skorbi

PG
3337
L4
Z82438

OPB

POET MIROVOI SCORBI

K. I. Arabazhin

UNIVERSITY MICROFILMS, INC.
Ann Arbor London

Digitized by the Internet Archive
in 2011 with funding from
University of Toronto

http://www.archive.org/details/poetmirovoskorbi00arab

ИЗЪ СЕРІИ КНИГЪ
ЗНАНІЕ ДЛЯ ВСѢХЪ
ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ:

ORDER DEPARTMENT
UNIVERSITY OF MICHIGAN LIBRARY
ANN ARBOR, MICHIGAN

ORDER NO. C61-203745
FUND: LSA

Arabazhin, Konstantin Ivanovich.

Poet mirovoi skorbi; ocherk.
Petrograd, 1914.

MICROFILM FOR COPYFLO

DEALER: Columbia U.
CAT. & ITEM:
ORDER 5-18-60

THIS IS A PURCHASE ORDER - SEE OTHER SIDE FOR INSTRUCTIONS

Картинами въ краскахъ. Очеркъ профессора А. Д. Ивановскаго.

Гдавн. Управл. Военно-Учеб. Заведеній рекомендованы въ ротныя библіотеки военныхъ училищъ и V—VII кл. кадетскихъ корпусовъ.

891.7L56
BA33

Arabazhin, Konstantin Ivanovich, 1866-
Поэтъ міровой скорби; очеркъ. Петроградъ,
П. П. Сойкинъ, 1914.
32 p. illus., ports., facsims.

Title transliterated: Poet mirovoi skorbi.

PG
3337
L4
Z82438

460801

LIBRARY
AUG 30 1961
UNIVERSITY OF TORONTO

767071

Акад. К. З. Жуута.

Гдавн. Управл. Военно-Учеб. Заведеній рекомендованы въ ротныя библіотеки военныхъ училищъ и V—VII кл. кадетскихъ корпусовъ.

Послѣдніе см. на 3-й стран. обложки.

8139

Arabazhin, Konstantin Ivanovich
III Poët mirovoĭ skorbi

ПОЭТЪ МІРОВОЙ СКОРБИ

Очеркъ

проф. К. И. Арабажина

Съ 8 портретами, 3 автографами
и 13 рисунками въ текстѣ

1914

891.7L56
BA33

5362B

COLUMBIA
UNIVERSITY
LIBRARY

Тип. П. П. Сойкина. Петроградъ, Стремянная, 12

ПОЭТЪ МІРОВОЙ СКОРБИ

Для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,—
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ...

Лермонтовъ.

5362B MAR 22 1946 10

I.

Сто лѣтъ назадъ, въ ночь со 2-го на 3-ье октября 1814 года, жена Юрія Петровича Лермонтова, Марья Михайловна, урожденная Арсеньева, разрѣшилась отъ бремени сыномъ Михаиломъ въ Москвѣ, въ домѣ генерала Ѳ. Н. Тоня, на Садовой улицѣ противъ Красныхъ воротъ. Скоро минетъ 75-пятилѣтіе со дня кончины Михаила Юрьевича Лермонтова.

Двадцати семи лѣтъ угасъ прекрасный талантъ, переживший, однако, свое время и продолжающій насъ увлекать.

Лермонтовъ не устарѣлъ; въ его творчествѣ открываются новыя красоты, его толкованіе получаетъ болѣе углубленное—символическое и философское пониманіе. Такъ высокія горы кажутся все выше и выше по мѣрѣ того, какъ мы удаляемся отъ нихъ.

Въ Лермонтовѣ мы всегда видѣли два лика. Одинъ—житейскій, суетный, будничный, свѣтскаго человѣка съ непріятнымъ характеромъ и многими отталкивающими, странными чертами поведенія,—другой ликъ—поэта, знающаго великія тайны поэтическаго прозрѣнія, озареннаго какимъ-то нездѣшнимъ свѣтомъ, какими-то внѣземными переживаніями и воспоминаніями; поэтъ съ платоновскимъ міроощущеніемъ земной жизни,—міра «скучныхъ пѣсенъ» въ противуположность истинному міру ангельскихъ звуковъ, принесенныхъ въ міръ вмѣстѣ съ рожденіемъ души, являющихся какъ бы отголосками юной жизни, иного внѣ земного существованія.

Вся жизнь Лермонтова, многія детали его біографіи тѣсно сплетаются съ его творчествомъ въ волшебный клубокъ золотыхъ нитей, тянущихся отъ какого-то надмірнаго солнца къ земной жизни—черезъ душу писателя, взволнованную прекрасными воспоминаніями иного міра и отвергающаго царство тѣней—печали и слезъ.

Говорятъ, что къ автобіографической оцѣнкѣ творчества Лермонтова нужно относиться осторожно. Мы сказали бы, что слѣдуетъ относиться осторожно и сдержанно къ жизни Лермонтова въ ея будничныхъ проявленіяхъ, но чрезвычайно важно и цѣнно символическое содержаніе его жизни.

Поэтъ превращалъ простые факты своей будничной жизни въ перлъ творчества, его жизнь озарилась инымъ смысломъ, получила новое содержаніе, явилась новымъ откровеніемъ въ истолкованіи и пониманіи и жизни, и поэзіи.

Кто видѣлъ въ Лермонтовѣ только обыкновеннаго русскаго офицера съ непріятными чертами характера, кто не обращался къ его поэзіи, за истолкованіемъ его личности, тотъ не могъ понимать печалей Лермонтова, его страданій, его «странностей».

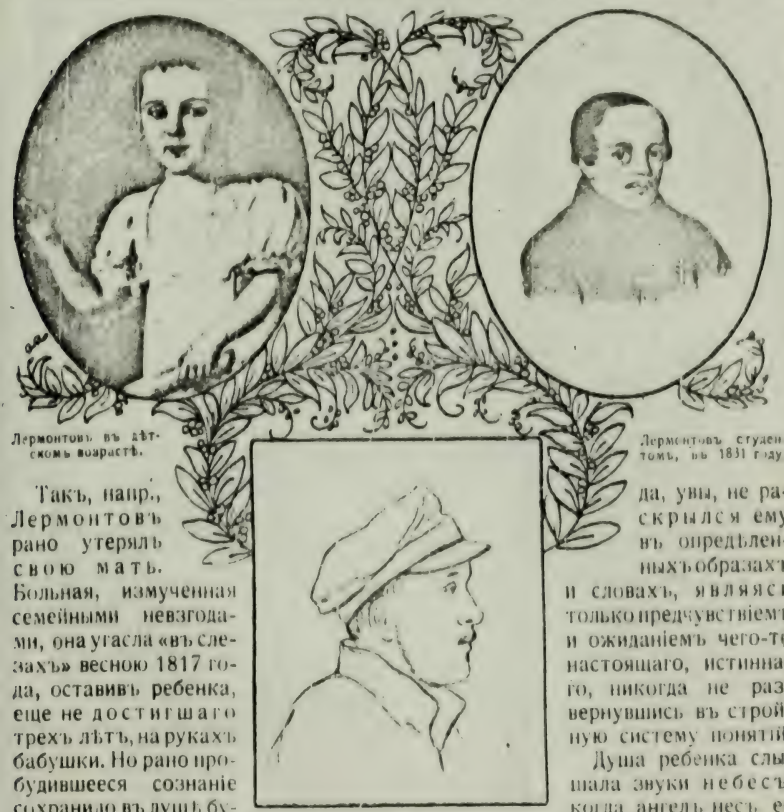
Лермонтовъ — интриганъ, лжецъ, противный насмѣшникъ, черствый человѣкъ, надменный гордецъ—вотъ черты, которыми надѣляла его обывательщина.

— «Лермонтовъ всегда и со всѣми лжетъ. Такая его система».

Это говоритъ талантливая французская поэтесса, красивая и образованная женщина Адель Гоммерде-Гель, увлекавшаяся Лермонтовымъ и все же не всегда понимавшая поэта.

А вѣдь изъ сплетенія «лжи» слагалась насъ возвышающая «иллюзія» поэтическаго волхвованія.

Часто самый мелкій жизненный фактъ получалъ въ поэтическомъ преломленіи у Лермонтова новое и въ высшей степени глубокое значеніе



Лермонтовъ въ дѣтскомъ возрастѣ.

Лермонтовъ студентомъ, въ 1831 году.

Лермонтовъ въ 1840 году.

Такъ, напр., Лермонтовъ рано утерялъ свою мать. Больная, измученная семейными невзгодами, она угасла «въ слезахъ» весною 1817 года, оставивъ ребенка, еще не достигшаго трехъ лѣтъ, на рукахъ бабушки. Но рано пробудившееся сознаніе сохранило въ душѣ будущаго поэта неясныя и тѣмъ болѣе прекрасныя воспоминанія о матери: какъ сквозь сонъ помнилъ онъ колыбельную пѣсенку матери, которую не разъ пѣвала она при жизни надъ колыбелькою своего единственнаго сына, выливая въ ней и свою любовь, и тоску.

«Я не могу теперь вспомнить ее (эту пѣсню), говоритъ Лермонтовъ, но увѣренъ, что если бы услыхалъ ее, она произвела бы прежнее дѣйствіе».

И этотъ незначительный дѣтскій фактъ жизни ребенка превращается въ символъ всей поэзіи Лермонтова, объясняющій и его тоску, и неудовлетворенность души, и неясные порывы къ лучшему міру, и стремленія къ идеальному міру, который никогда, увы, не раскрылся ему въ опредѣленныхъ образахъ и словахъ, являясь только предчувствіемъ и ожиданіемъ чего-то настоящаго, истиннаго, никогда не развернувшись въ стройную систему понятій.

Душа ребенка слышала звуки небесъ, когда ангелъ несъ ее «по небу полуночи»; «и мѣсяцъ и звѣзды и тучи толпой внимали той пѣснѣ святой». Но съ высотъ неземныхъ душа низверглась на землю, въ тину жизни, и, тоскуя о слышанномъ, смутно припоминая небесную мелодію, томилась, «желаніемъ чуднымъ полна», отвращаясь отъ «скучныхъ пѣсенъ» земли.

Вѣдь это поэтическое отраженіе философіи Платона съ его міромъ истинно сущаго—идей.

Представьте себѣ, говоритъ Платонъ, что вы стоите у входа въ пещеру лицомъ къ ея задней стѣнѣ; сзади невидимый вами свѣтъ солнца и сзади же васъ проносятся разные предметы. Отъ нихъ на задней стѣнѣ пещеры ложатся причудливыя тѣни, совсѣмъ не дающія представленія

о предметахъ. Это только тѣни, только искаженныя, колеблющіяся, вѣчно мѣняющіяся отображенія истинно сущихъ вещей. Это — не настоящее. Тѣни колеблятся, мѣняютъ свой видъ въ зависимости отъ перемѣны въ положеніи невидимыхъ предметовъ, находящихся позади васъ.

Истинно сущія вещи — это идеи. Онѣ находятся за предѣлами видимаго міра. Отъ нихъ на землю падаетъ тѣнь.

Предметы видимаго міра — это только тѣни идей. Онѣ — не истинно-сущее. Развѣ можно назвать истинно сущимъ то, что постепенно мѣняетъ форму, разлагается и затѣмъ исчезаетъ...

Идея вѣчна, неизмѣнна, совершенна, не знаетъ умаленія и смерти, она — истинно сущее.

Наша душа когда-то созерцала это истинно сущее — идеи всего міра, идеи добра, красоты, идеи всѣхъ вещей. Но потомъ душа окунулась въ земной тинѣ, — словно въ грязь шлепнулась, но и окруженная тѣнями жизни, она сохранила смутныя воспоминанія о мірѣ гармоній, вѣчныхъ идей, истиннаго. Душа человѣка на землѣ напоминаетъ курицу: съ отрѣзанными крыльями она уже не способна летать. Но когда душа среди міра тѣней и призраковъ (какими являются всѣ явленія (феномены) нашего чувственнаго міра) случайно увидитъ такое ихъ расположеніе или измѣненіе, которое наиболѣе напоминаетъ подлинные предметы, — истинно сущія идеи, — она узнаетъ въ такомъ счастливомъ намекѣ сходства то далекое, что она когда-то знала непосредственно, а не въ иныхъ тѣняхъ, въ томъ настоящемъ мірѣ, гдѣ она жила до рожденія на землѣ, который есть ея родина; тогда въ ней — просыпается тоска по родинѣ, тоска воспоминаній объ иномъ истинномъ мірѣ, и у нея какъ бы начинаютъ отростать крылья (душа окрыляется — образъ, присущій не только Платону); она хочетъ подняться и улетѣть — на родину. Но крылья

Юрій Петровичъ Лермонтовъ. Отецъ поэта.

Елизавета Алексѣевна Арсеньева. Бабушка поэта.

Марія Михайловна Лермонтова. Мать поэта.

малы... Тина жизни засасываетъ и тянетъ внизъ... Остается тоска, разочарованіе, томленіе духа — «скучныя пѣсни земли»...

Развѣ не замѣчательно это совпаденіе съ Платономъ, это построеніе лермонтовской поэзіи на чисто платоновскомъ идеализмѣ. Конечно, не можетъ быть и рѣчи о заимствованіяхъ. «Ангелъ» написанъ Лермонтовымъ въ 1831-мъ году, когда ему было только семнадцать лѣтъ. Ни о какомъ изученіи Платона или даже хотя бы поверхностномъ знакомствѣ съ нимъ говорить не приходится. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ прямой художественной интуиціей,—она превратила мелкій фактъ жизни въ автобіографическое и глубоко философское истолкованіе самимъ поэтомъ характера своего творчества и психологическихъ настроеній души поэта. Въ высшей степени характерны слова Лермонтова о пѣснѣ «безъ словъ».

Весь идеализмъ Лермонтова былъ именно «безъ словъ», но живой.

Тоска по идеалу личному и общественному никогда не получала у Лермонтова опредѣленнаго содержанія. Она и не могла получить его въ ту эпоху безвременья и гнета, въ которую жилъ Лермонтовъ.

И это даже хорошо, что его міроощущеніе не приняло опредѣленныхъ реальныхъ формъ. Благодаря этому—поэзія Лермонтова сохранила свой внѣ временный характеръ, на всегда отразивъ неумирающія въ человѣкѣ идеалистическія стремленія. Они составляютъ лучшую часть его души, они сберегаютъ его отъ сытости самоудовлетворенія, они толкаютъ впередъ, поддерживая святое недовольство дѣйствительностью, толкая на поиски лучшаго.

Неопредѣленность лермонтовскаго идеализма («безочарованіе»)--сильная сторона его творчества и слабое мѣсто въ его личной жизни.

Съ дѣтскихъ лѣтъ поэтъ жилъ иной, нездѣшней жизнью. Его душа «чудеснаго искала». Здѣсь на землѣ онъ жилъ лишь «минутами», но и эти мгновенья были мукъ полны:

Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ
Встревоженный печальною мечтой
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
. . . . . .
Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую, но словъ
не нахожу...

Такъ писалъ юноша-поэтъ въ 1831 г., предчувствуя уже тогда безсмертіе своихъ томленій и страстей «безъ словъ»:

... для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,—
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный
Благословитъ... [свѣтъ

II.

Да, онъ «жилъ вѣка и жизнію иной». И здѣсь словно не случайно находимъ мы вѣщій образъ изъ прошлаго семьи Лермонтовыхъ. Передъ нами предокъ Лермонтова Ѳома Лермонтъ (Thomas Lermont или Learmont) легендарный, шотландскій бардъ XIII вѣка († 1307), воспѣтый Вальтеръ Скоттомъ. По народнымъ преданіямъ, Ѳома Лермонтъ былъ въ юномъ возрастѣ похищенъ въ царство фей, гдѣ и получилъ свой вѣщій даръ. Черезъ семь лѣтъ ему разрѣшено было вернуться, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ, когда за нимъ придутъ, немедленно оставилъ навсегда землю.

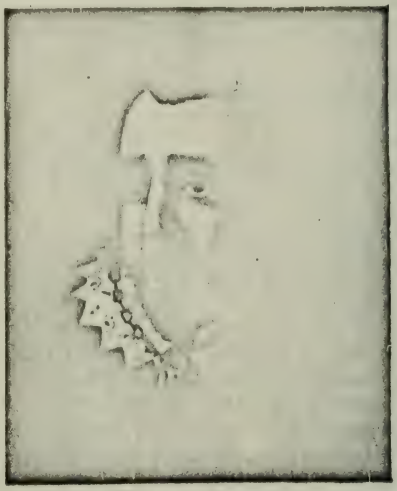
И въ этой легендѣ что-то близкое Лермонтову, такое таинственно-родственное, что людямъ мистически настроеннымъ, какъ, напримѣръ, В. С. Соловьевъ, давало основанія къ широкимъ выводамъ, идущимъ за предѣлы простой научной гипотезы наслѣдственности.

Легенда о феяхъ, въ юныхъ лѣтахъ увлекшихъ барда въ свое царство, можетъ быть отнесена и нашему поэту, въ юныхъ годахъ унесшемуся въ міръ фантазіи и поэзіи. И вернувшись на землю, онъ тоже жилъ въ непрерывномъ ожиданіи того, что

за нимъ придутъ изъ лучшаго міра и нужно быть готовымъ.

Владиміръ Соловьевъ вполнѣ убѣжденно видѣлъ общія черты въ жизни этого чародѣя, прорицателя Шотландіи, и нашего поэта съ его необычайной способностью схватывать запредѣльную сторону жизни и его вѣщими снами. (Вспомнимъ, напримѣръ, извѣстное стихотвореніе «Въ полдневный зной въ долинѣ Дагестана»...).

Жизнь и творчество Лермонтова представляютъ одно неразрывное цѣлое. Но интересуясь жизнью Лермонтова, мы должны твердо помнить, что въ непреображенномъ аспектѣ обыденщины она можетъ показать намъ ликъ поэта съ крайне несимпатичными чертами. Съ этой именно точки зрѣнія сегодняшняго дня, свѣтъ «завистливый и душный», состоявшій изъ заурядныхъ людей, мелко плавающихъ мудрецовъ-моралистовъ, схватывающихъ только одни внѣшнія явленія, могъ и долженъ былъ относиться отрицательно и злобно къ Лермонтову—и какъ къ человѣку, и какъ къ поэту.



Предокъ «Лерма».

Біографія Лермонтова общеизвѣстна. Мы заимствуемъ изъ нея только нѣкоторыя наиболѣе важныя и существенныя данныя.

Первыя извѣстія о шотландскомъ родѣ Лермонтовыхъ относятся къ XI вѣку и записаны въ хроникахъ Боэція и Леслея. Одинъ изъ рода Leirmont или Lermont принималъ участіе въ борьбѣ Малькольма, сына короля Дункана, съ Макбетомъ и послѣ коронованія Малькольма (1061 г.) былъ пожалованъ господиномъ Рарси, которымъ господинствомъ и нынѣ владѣютъ наслѣдники его *). Русская линія этого рода ведетъ свое начало отъ «шкоцкаго нѣмца» Георга Лермонта, который былъ взятъ въ плѣнъ при осадѣ польской крѣпости Бѣлой и перешелъ на русскую службу съ сохраненіемъ дворянскаго званія (1613 г.). Въ 1621-мъ году поручикъ Юрій Лермонтъ получилъ грамоту на жалованныя помѣстья въ Галицкомъ уѣздѣ, Костромской губерніи. Въ 1634 году, уже въ чинѣ ротмистра, онъ былъ убитъ на государевой службѣ подъ Смоленскомъ во время второй польской войны. Одинъ изъ его сыновей, Петръ Юрьевичъ, впослѣдствіи воевода Саранскій, принялъ православіе. Въ концѣ XVII вѣка внуки Юр. Лермонта подаютъ въ Разрядный Приказъ «поколѣнную роспись»; такъ продолжается служба Лермонтовыхъ русскимъ государямъ въ должностяхъ однако не очень крупныхъ. Прадѣдъ поэта Юрій Лермонтовъ вступилъ въ 1740 году въ сухопутный Шляхетскій корпусъ, откуда вышелъ по болѣзни въ 1741 г. съ производствомъ въ подпоручики съ хорошимъ аттестатомъ, изъ котораго видно, что онъ умѣлъ чертить, рисовать красками и миніатюрой, говорилъ и писалъ по-нѣмецки. Въ 1787 году родился отецъ поэта Юрій Петровичъ, а въ 1795 году его будущая жена (мать поэта) Марья Михайловна Арсеньева, дочь Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной. Въ 1811 Юрій Петровичъ Лермонтовъ за болѣзнью, вслѣд-

*) См. Пол. собр. сочиненій М. Ю. Лермонтова. Акад. библ. Спб. 1913. т. V.

ствіе какой-то невыясненной исторіи, уволенъ отъ службы съ мундиромъ, въ чинѣ капитана. и поселился съ сестрами въ своемъ родномъ имѣніи Кроптовка, Ефремовскаго уѣзда, Тульской губерніи. По сосѣдству съ Кроптовкой было имѣніе Арсеньевыхъ Васильевское, куда пріѣзжала часто жена Михаила Васильевича Арсеньева Елизавета Алексѣевна (бабушка поэта) со своей дочкой Марьей Михайловной, которая и увлеклась Юріемъ Петровичемъ Лермонтовымъ, плѣнившимъ ее красивой наружностью и столичнымъ лоскомъ. Бракъ состоялся вопреки воли матери и къ явному неудовольствію родовитой дворянской фамиліи Столыпиныхъ. Властный и сильный родъ Столыпиныхъ принадлежалъ къ числу постепенно возвышавшихся родовъ, въ то время какъ родъ Лермонтова, какъ и родъ Пушкина, постепенно клонился къ упадку. Бракъ съ Юріемъ Петровичемъ казался Елизаветѣ Алексѣевнѣ мезальянсомъ и сразу же поставилъ ее въ дурныя отношенія къ своему зятю, которому она, однако, дала въ управленіе село Тарханы и Михайловское, въ Чембарскомъ уѣздѣ, Пензенской губерніи.

Нравная и властная теща Юрія Петровича внесла раздоръ въ супружескую жизнь молодой четы *). Отчасти подъ вліяніемъ этихъ раздоровъ Юрій Петровичъ охладѣлъ къ своей женѣ и, кажется, увлекся ея компаньонкой нѣмкой Юліей Ивановной. Со смертью жены Юрій Петровичъ навсегда покинулъ Тарханы и уѣхалъ въ Кроптовку, оставивъ сына на попеченіи бабушки, такъ какъ понималъ, что богатая бабушка можетъ дать его сыну и лучшее воспитаніе и обезпечить наслѣдствомъ. Любовь отца принесена была въ жертву сыну. Но недоразумѣнія изъ-за сына не прекращались между отцомъ и бабушкой, такъ какъ бабушка боялась даже кратковременныхъ посѣщеній отцомъ ея любимаго внука, и на этой почвѣ происходили тяжелыя сцены, оставившія глубоко болѣзненный слѣдъ въ душѣ впечатлительнаго мальчика. Зато въ отношеніи къ внуку бабушка ничего не жалѣла, чтобы выразить ему свою нѣжность и заботу.

Благодаря тяжелой болѣзни, перенесенной въ дѣтствѣ, надолго прикованвшей Лермонтова къ постели и давшей ему преждевременное одиночество и раннюю серьезность, Лермонтовъ развивался въ умственномъ отношеніи очень быстро. Фантазія работала чрезвычайно живо, унося «въ міръ воздушный». Голова мальчика полна была романтическими и фантастическими разсказами старушки нѣмки, его бонны. Подобно Сашѣ Арбенину, онъ воображалъ себя волжскимъ разбойникомъ среди синихъ и студеныхъ волнъ, въ тѣни дремучихъ лѣсовъ, въ шумѣ битвъ, въ ночныхъ наѣздахъ, при звукѣ пѣсенъ, подъ свистомъ волжской бури.

Но съ русской народной поэзіей Лермонтовъ въ дѣтствѣ не былъ знакомъ, о чемъ не разъ впослѣдствіи выражалъ свое глубокое сожалѣніе ставя ее выше всей французской литературы.

Зато дѣтство Лермонтова старилось яркими и не обычными радостями — путешествіями на Кавказъ, чего требовало его здоровье. Кавказъ произвелъ на душу ребенка неотразимое, вдохновляющее впечатлѣніе. Синія горы взлелѣяли дѣтство его, дали цѣленіе тѣлу, возбудили усиленную жизнь души, были свидѣтелями впервые познанной десятилѣтнимъ мальчикомъ тоски «любови знойной».

Это было настоящее, большое чувство. «Я тогда ни о чемъ еще не имѣлъ понятія, пишетъ Лермонтовъ въ запискѣ отъ 8 іюля 1830 года: тѣмъ не менѣе это была страсть сильная, хотя ребяческая... я плакалъ

*) Между прочимъ эта нравность и властность, вѣроятно, сказалась и въ нареченіи родившагося внука Михаиломъ,— видимо по имени мужа Елизаветы Алексѣевны. Въ роду Лермонтовыхъ издавна чередовались имена Юрія и Петра. И сыну Юрія Петровича надлежало бы получить имя Петра... Надо думать, что здѣсь бабушка проявила свою волю.

потихоньку безъ причины; желалъ ее видѣть; а когда она приходила, я не хотѣлъ или стыдился войти въ комнату ...бѣлокурые волосы, голубые быстрые глаза ...мнѣ кажется, что я никогда такъ не любилъ, какъ въ тотъ разъ... Говорятъ (Байронъ), что ранняя страсть означаетъ душу, которая будетъ любить изящныя искусства».

Послѣднее замѣчаніе, взятое у Байрона, можетъ быть признано мѣткимъ. Любовь не покидала Лермонтова всю жизнь. Двѣнадцати лѣтъ онъ влюбляется вторично въ деревнѣ Кропотовкѣ. Съ четырнадцати лѣтъ онъ непрерывно влюбленъ:

...любить
Необходимо мнѣ и я любилъ
Всѣмъ напряженіемъ душевныхъ силъ,—
пишетъ Лермонтовъ.

Въ 1827-мъ году Елизавета Алексѣевна Арсеньева переѣзжаетъ съ внукомъ въ Москву для приготовленія Лермонтова въ благородный пансіонъ при Московскомъ университетѣ. Его сопровождаетъ изъ Тарханъ французъ Капэ, офицеръ Наполеоновской гвардіи, внушившій своему воспитаннику интересъ и уваженіе къ «кумиру» тѣхъ временъ Наполеону. По смерти Капэ, его домашнимъ воспитателемъ дѣлается сначала французскій эмигрантъ Жандро, затѣмъ англичанинъ Виндсонъ, подъ руководствомъ котораго Лермонтовъ познакомился съ Байрономъ; былъ еще воспитателемъ и еврей Леви, быть можетъ, занимавшійся нѣмецкимъ языкомъ. Въ 1828 году Лермонтовъ поступаетъ въ 4 классъ университетскаго пансіона, прославившійся своимъ воспитаніемъ и любовью къ литературѣ. Домашними занятіями Лермонтова одно время руководилъ А. З. Зиновьевъ, преподаватель университетскаго пансіона, и самъ Мерзляковъ, профессоръ и поэтъ... Лермонтовъ обнаруживалъ успѣхи одинаково въ наукахъ и въ искусствахъ.

Первые литературные опыты Лермонтова относятся къ дѣтству и ранней юности. Уже къ 14-ти годамъ онъ перечиталъ едва ли не всѣхъ русскихъ классиковъ. У него было много книгъ: Ломоносова, Державина, Дмитріева, Озерова, Батюшкова, Крылова, Жуковскаго, Козлова, Пушкина. Въ его раннихъ произведеніяхъ можно указать заимствованія даже изъ Ло-

Домъ Е. А. Арсеньевой (бабушки поэта).
Въ селѣ Тарханахъ, Пензенской губ.

Въ тѣхъ поръ прочитанось много лѣтъ
Пустынна древняго обитель,
И время вѣчный разрушитель
Смѣсвало постепенно слѣдъ
Высокихъ стѣнъ и храмъ священный
Добыча бури и дождей
Сталъ молчаливъ какъ мавзолей
Утерпишаго монастыря надменный
Изъ двери въ дверь во мгла ночной
Блуждаетъ вѣтръ освобожденный.
Внутри на ликахъ расписныхъ
И на окладахъ золотыхъ
Большой паукъ отшельникъ новый
Кладетъ сѣтей своихъ основы.
Не разъ сбѣгавъ со скалъ крутыхъ
Сайгакъ или серна, дань свободы,
Пріютъ отъ зимней непогоды
Искала въ нѣмыхъ. И порой
Забытой утвари найдена
Среди развалинъ глухой
Ихъ приводило въ изумленіе.
Но въ наше время никакъ
Нельзя нарушить тишину:
Что можетъ падать, то упало.
Что хрупко, то умерло давно,—
Что живо, то безсмертно стало:
И время въ живыхъ удержало
Воспоминаніе одно.

Автографъ М. Ю. Лермонтова.

Есть рѣчи — значенье
Темно иль ничтожно! —
Но имъ безъ волненья
Внимать не возможно
Какъ полны ихъ звуки
Безумствомъ желанья
Въ нихъ слезы разлуки
Въ нихъ трепетъ свиданья.

Не встрѣтишь отвѣта
Средь шума мірскова
Игръ пламя и свѣта
Рожденное словом
Но въ храмѣ, средь боя
И гдѣ я ни буду,
Услышавъ, его я
Узнаю повсюду

Не кончивъ молитвы
На звукъ тотъ отвѣту
И бросивъ изъ битвы
Ему я навстрѣчу

М. Лермонтовъ.

Автографъ М. Ю. Лермонтова.

Бивуакъ Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка подъ Краснымъ Селомъ.
Рисовалъ М. Ю. Лермонтовъ въ 1835 г.

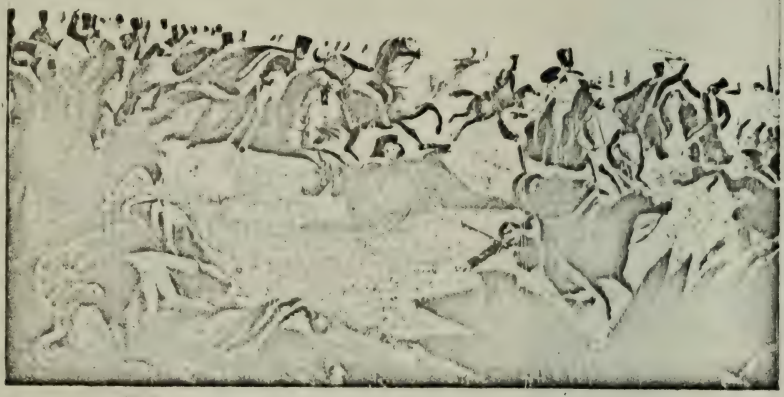
моносова и Державина. Онъ зналъ хорошо «Горе отъ ума» Грибоѣдова, Рылѣева, Кукольникова, Лажечникова, Марлинскаго, Полевого, Полежаева, Козлова, гр. Ростопчину, кое-что и изъ народной поэзіи.

Начитанность Лермонтова въ родной поэзіи чрезвычайно велика; но не мала она и въ литературахъ иностранныхъ: Мицкевичъ, Шиллеръ, Лессингъ, впослѣдствіи Гете, Гейне, Гофманъ, Руссо, Вольтеръ, Шатобріанъ, Шенье, Барбье, Бальзакъ, Жоржъ Зандъ, В. Гюго, А. де-Мюссе, А. де-Виньи, Шекспиръ и Байронъ были извѣстны ему, но наиболѣе сильное и раннее вліяніе имѣлъ на него Пушкинъ.

Подъ вліяніемъ Пушкина въ 1828 г. онъ пишетъ своего «Кавказскаго плѣнника». Отрывокъ «Цыгане» тоже передѣлка изъ Пушкина. Нѣкоторыя сцены изъ «Испанцевъ» напоминаютъ «Евгенія Онѣгина», напр., разговоръ [illegible]ми и Сарры—разговоръ Татьяны и няни. Стихотвореніе «Мой демонъ» навѣяно «Демономъ» Пушкина и т. д. Но пушкинское вліяніе въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» не стѣсняетъ Лермонтова и онъ вполнѣ самостоятельно измѣняетъ пушкинскій текстъ.

Нужно еще отмѣтить, что въ этомъ юномъ возрастѣ въ Лермонтовѣ проявляется сильное увлеченіе театромъ. Въ тетрадяхъ Лермонтова всюду замѣтки съ планами всевозможныхъ драмъ. Театромъ Лермонтовъ увлекался еще въ дѣтствѣ, лѣпилъ восковыя фигуры для кукольнаго театра, сочинялъ для него фантастическія пьесы. Впрочемъ, въ пору пребыванія Лермонтова въ Благородномъ пансіонѣ, театромъ и Мочаловымъ увлекалась вся Москва.

Пересматривая мелкія стихотворенія Лермонтова этой юношеской поры его творчества, прежде всего поражаешься самостоятельностью и зрѣлостью его мысли. Лермонтовъ нигдѣ не является простымъ подражателемъ, всюду онъ вноситъ свое оригинальное. Пятнадцатилѣтній юноша задумывается надъ судьбами родины и даетъ вѣрную оцѣнку русской дѣйствительности. «Къ чему глубокія познанія, — восклицаетъ онъ,—жажда славы, талантъ и пыл-



Гусары при штурмѣ Варшавы въ 1831 г.
Акварель М. Ю. Лермонтова.

кая любовь свободы, когда мы ихъ употребить не можемъ». И продолжая характеристику «дѣтей сѣвера», быстро увядающихъ послѣ недолгаго цвѣтенія, онъ тяжело скорбитъ душой о томъ, что

Такъ пасмурна жизнь наша, такъ недолго
Ея однообразное теченіе...
И душно кажется на родинѣ,
И сердцу тяжко, и душа тоскуетъ...
Не зная ни любви, ни дружбы сладкой,
Средь бурь пустыхъ томится юность наша...

Такая мѣткая и тонкая оцѣнка русской дѣйствительности въ устахъ пятнадцатилѣтняго юноши прямо поражаетъ.

Поэтъ часто возвращается къ общественно-политическимъ темамъ. Въ «предсказаніи», которое поэтъ самъ называетъ мечтою, онъ говоритъ о томъ времени, когда

Настанетъ годъ, Россіи черный годъ...

И въ другомъ стихотвореніи пишетъ:

Ужель злодѣямъ щитъ порфира,
Пусть ихъ глупцы боготворятъ,
Пусть имъ звучитъ другая лира;
Но ты остановись, пѣвецъ,
Златой вѣнецъ, не твой вѣнецъ.

Іюля 10 и 30 Лермонтовъ привѣтствуетъ французскую революцію, а въ другомъ стихотвореніи восклицаетъ:

Есть судъ земной и для царей!

Тремя мѣсяцами позже Лермонтовъ посвящаетъ восьмистишіе Новгороду и его «тирану» Аракчееву. Къ этому же году относится первый варіантъ стихотворенія, исполненнаго глубокаго и искренняго патріотизма—«Бородино».

Изъ поэмъ, написанныхъ въ 1829—30 г., заслуживаетъ упоминанія «Исповѣдь»,—набросокъ, который легъ въ основаніе двухъ болѣе позднихъ поэмъ—«Бояринъ Орша» и «Мцири», куда изъ «Исповѣди» внесены многіе стихи. Вполнѣ законченнымъ произведеніемъ этого же времени является стихотвореніе «Нищій» («У вратъ обители святой»).

III.

Въ августѣ 1830 года Лермонтовъ поступаетъ въ Московскій университетъ сначала на этико-политическое, а спустя нѣкоторое время на сло-

весное отдѣленіе. Но и здѣсь онъ сохраняетъ ту отчужденность и обособленность отъ среды, которую обнаруживалъ въ теченіе всей своей жизни. Онъ не замѣтилъ тѣхъ крупныхъ и даровитыхъ товарищей, которыми впослѣдствіи гордилась Россія, какъ и Лермонтовымъ. А студенческая масса могла отталкивать его своею умственною незрѣлостью, могла шокировать его и какъ барича. Припомнимъ, что и Толстой сторонился въ Казани своихъ университетскихъ товарищей. Но на многіе вопросы русской жизни у Лермонтова были тѣ же взгляды, какъ и его сотоварищей. Сходство настроеній прекрасно подтверждается сравненіемъ драмы Лермонтова «Странный человѣкъ» съ юношеской трагедіей Бѣлинскаго въ ихъ отношеніи къ крѣпостному праву.

Нѣсколько надменное отношеніе Лермонтовъ обнаруживалъ къ своимъ товарищамъ и профессорамъ.

Въ то время университетъ кишѣлъ студенческими литературными кружками. Въ знаменитомъ 11-мъ номерѣ общежитія, гдѣ жилъ Бѣлинскій, шли горячіе споры о романтизмѣ и классицизмѣ, и страстный, увлекающійся «неистовый Виссаріонъ» низвергалъ уже авторитетъ Ломоносова и Державина. Но Лермонтовъ стоялъ нѣсколько вдали отъ этого оживленія. Безспорно, онъ былъ цѣлой головою выше своихъ сверстниковъ. Бѣлинскій и въ болѣе позднее время зналъ Гегеля только по разсказамъ друзей, а Лермонтовъ воспитался на французской, нѣмецкой, англійской литературахъ. Вотъ какъ разсказываетъ объ отношеніяхъ Лермонтова къ студенчеству его товарищъ Вистенгофъ: «Вся фигура этого человѣка возбуждала интересъ и вниманіе, привлекала и отталкивала... Мы знали только, что фамилія его Лермонтовъ. Прошло около двухъ мѣсяцевъ, а онъ неизмѣнно оставался съ нами въ тѣхъ же неприступныхъ отношеніяхъ... Однажды студенты, близко меня стоявшіе, считая меня за болѣе смѣлаго, обратились ко мнѣ съ предложеніемъ отыскать какой-нибудь предлогъ для начатія разговора съ Лермонтовымъ и тѣмъ вызвать его на какое-нибудь сообщеніе. «Вы подойдите, Вистенгофъ, къ Лермонтову и спросите его, какую это онъ читаетъ книгу съ такимъ постояннымъ напряженнымъ вниманіемъ. Это предлогъ для разговора самый основательный»,— сказалъ мнѣ студентъ Красовъ, кивая головой въ тотъ уголъ, гдѣ сидѣлъ Лермонтовъ. Умные и серьезные студенты Ефремовъ и Станкевичъ одобрили совѣтъ этотъ. Не долго думая, я отправился. «Позвольте спросить васъ, Лермонтовъ, какую это книгу вы читаете? Безъ сомнѣнія, очень интересную, судя по тому, какъ вы углубились въ нее. Нельзя ли ею подѣлиться и съ нами»,—обратился я къ нему не безъ нѣкотораго волненія, подойдя къ его одинокой скамейкѣ. Мелькомъ взглянувъ въ книгу, я успѣлъ только распознать, что она англійская. Онъ мгновенно оторвался отъ чтенія. Какъ ударъ молніи, сверкнули его глаза, трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій, непривѣтливый взглядъ. «Для чего это вамъ хочется знать. Будетъ безполезно если я удовлетворю вашему любопытству. Содержаніе этой книги васъ нисколько не можетъ заинтересовать, потому что вы не поймете тутъ ничего, если я даже и сообщу вамъ содержаніе ея»,—отвѣтилъ онъ мнѣ рѣзко, принявъ прежнюю свою позу и продолжая опять читать. Какъ бы ужаленный бросился я отъ него».

Также относился Лермонтовъ и къ профессорамъ. Профессоръ Побѣдоносцевъ, разсказываетъ тотъ же Вистенгофъ, задаетъ Лермонтову на репетиціи по русской словесности какой-то вопросъ. Лермонтовъ началъ отвѣчать бойко и увѣренно. Профессоръ сначала слушалъ его, а потомъ остановилъ и сказалъ: —«Я вамъ этого не читалъ. Я желалъ бы, чтобы вы отвѣчали мнѣ именно то, что я проходилъ. Откуда вы могли почерпнуть всѣ эти знанія?»—«Это правда, г. профессоръ, отвѣчалъ Лер-

монтовъ, того, что я сейчасъ говорилъ, вы намъ не читали и не могли передавать, потому что это слишкомъ ново, а до васъ еще не дошло; я пользуюсь источниками изъ своей собственной библіотеки, снабженной всѣмъ современнымъ».

Подобный же отвѣтъ былъ данъ и адъюнктъ-профессору Гастеву, читавшему геральдику и нумизматику.

Дерзкія выходки не прошли даромъ: профессора не оцѣнили новыя знанія Лермонтова, а за старое постарались его срѣзать.

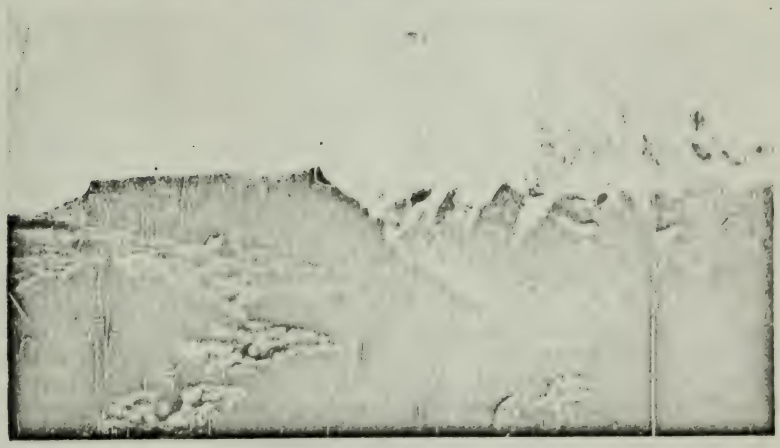
Университетъ онъ хотѣлъ кончить потому, что готовилъ себя «для литературной карьеры», но «неблагодарный кумиръ» требовалъ столько «жертвъ», что Лермонтовъ предпочелъ стать воиномъ.

Нельзя, однако, утверждать, что къ университету онъ относился потомъ безъ всякаго уваженія, какъ бы въ этомъ уваженіи и не звучала легкая иронія и слегка покровительственный тонъ.

При Валерикѣ.
Съ акварели М. Ю. Лермонтова.

Нежеланіе оставаться на второй годъ, а отчасти, можетъ быть, и знаменитая маловская исторія, въ которой, впрочемъ, Лермонтовъ не участвовалъ и не пострадалъ, — заставили Лермонтова искать перевода въ Петербургскій университетъ. Но здѣсь ему не зачли пройденнаго курса и потребовали держать вновь вступительный экзаменъ на первый курсъ. Тогда Лермонтовъ отказался отъ мысли окончить университетъ, а поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ.

«Святое мѣсто! пишетъ онъ въ поэмѣ «Сашка», помню я, какъ сонъ, твои кафедры, залы, коридоры; твоихъ сыновъ заносчивые споры: о Богѣ, о вселенной и о томъ, какъ пить—съ водой, иль просто голый ромъ; ихъ гордый видъ предъ гордыми властями, ихъ сюртуки, висящіе клочками. Бывало, только восемь бьетъ часовъ, по мостовой валитъ народъ ученый. Кто ночь провелъ съ лампадой среди трудовъ, кто въ грязной лужѣ, Вакхомъ упоенный, но всѣ, равно задумчивы, безъ словъ текутъ... Пришли, шумятъ... Профессоръ длинный напрасно входитъ, кланяется чинно.



Кавказскій видъ.
Картина масляными красками, работы М. Ю. Лермонтова.

Онъ книгу взялъ, раскрылъ, прочелъ—шумятъ; уходитъ—втрое хуже».

Въ произведеніяхъ Лермонтова, написанныхъ имъ въ послѣдніе два года передъ поступленіемъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ, намѣчаются уже почти всѣ основные мотивы его поэзіи.

Общее настроеніе Лермонтова, характерное для всей его поэзіи, находитъ себѣ полное выраженіе въ стихотвореніи «Ангелъ», уже нами разобранномъ, а также въ стихотвореніи «Парусъ»:

Подъ нимъ струя свѣтлѣй лазури,
Надъ нимъ лучъ солнца золотой,
А онъ, мятежный, ищетъ бури,
Какъ будто въ бурѣ есть покой.

Университетскіе годы Лермонтова были временемъ усиленнаго увлеченія Байрономъ. Но сходство настроеній двухъ поэтовъ («у насъ одна душа»!) не мѣшало, однако, Лермонтову понять, что онъ самобытный русскій поэтъ, съ русской душой.

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.

Личныя настроенія этой эпохи попрежнему носили мрачный оттѣнокъ. Поэтъ искалъ сочувствія, любви, но не встрѣчалъ взаимности. Поэтъ часто влюблялся. Еще раньше онъ увлекался Е. Сушковой. Разочаровавшись въ ней, онъ полюбилъ Вареньку Лопухину. Это не было легкомысленное увлеченіе. Глубокое и сильное чувство къ Варенькѣ сохранилось въ Лермонтовѣ до самой смерти. Варенькѣ Лопухиной, когда она выходила замужъ, Лермонтовъ посвятилъ свое дивное стихотвореніе «Я, Матерь Божія...» Полнымъ самоотверженіемъ звучитъ его трогательная мольба «Окружи счастіемъ счастья достойную»... Той же Варенькѣ Лопухиной посвящены послѣдніе варіанты поэмы «Демонъ». Черты любимой дѣвушки, по вѣрному предположенію покойнаго проф. Висковатова, можно усмотрѣть частью въ образѣ Мери и особенно въ лицѣ Вѣры («Герой нашего времени»). Отношеніямъ Лермонтова къ Варенькѣ Лопухиной посвящена извѣстная его поэма «Ангелъ смерти».

Изъ другихъ поэмъ этой же эпохи—«Аулъ Бастунджи», «Каллы» и «Измаилъ-Бей» — послѣдняя поэма принадлежитъ къ числу вполнѣ зрѣлыхъ и законченныхъ произведеній Лермонтова.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

Таковъ итогъ литературной работы послѣднихъ двухъ эпохъ пребыванія поэта въ Москвѣ. Слѣдующіе «два страшныхъ года» прошли въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Это были тяжкіе «страшные» годы по признанію самого Лермонтова.

Въ жизни Лермонтова это было время циничныхъ поэмъ и стихотвореній, доставившихъ Лермонтову печальную извѣстность въ Петербургѣ, репутацію второго Баркова. Но рядомъ съ репутаціей скабрезнаго писателя росла у Лермонтова другая, еще болѣе для него опасная—репутація злого и насмѣшливаго человѣка. На почвѣ ѣдкихъ и остроумныхъ насмѣшекъ поэта надъ товарищами множились его будущіе непримиримые враги...

IV.

Высочайшимъ приказомъ отъ 25 ноября 1834 года Лермонтовъ произведенъ въ корнеты Лейбъ-Гвардіи Гусарскаго полка, расположеннаго въ Царскомъ Селѣ. Съ этого времени у поэта начинается тяжелый періодъ свѣтскихъ и служебныхъ непріятностей.

Это было время пышнаго расцвѣта, самодовольнаго мѣщанства, время полнаго торжества фамусовщины.

Россія была, по мѣткому выраженію Пушкина, «вздернута на дыбы», рукой властной все было занумеровано, затянуто въ мундиры, поставлено въ ранжиръ и надъ всѣми и всѣмъ высилась яркая характерная фигура императора Николая I.

Контрастъ между офиціальнымъ кругомъ и мыслящей кучкой «интеллигентовъ» достигъ своихъ крайнихъ предѣловъ.

Столкновеніе Лермонтова съ офиціально свѣтскимъ кругомъ было неизбѣжно. И заранѣе, и безошибочно можно было предсказать и трагическій исходъ этого столкновенія. Орламъ, вылетѣвшимъ изъ прометеевскаго гнѣзда, мѣсто было только у скалъ Кавказа, державшихъ нѣкогда въ своемъ плѣну самого Прометея, и этотъ Кавказъ такъ кстати

Перестрѣлка въ горахъ Кавказа.
Картина масляными красками, работы М. Ю. Лермонтова.

находился теперь въ предѣлахъ огромной Россійской имперіи.

Время отъ выхода въ офицеры и до 1837 года въ жизни Лермонтова ушло частью на пустую свѣтскую жизнь, гдѣ Лермонтовъ только пріобрѣталъ все новыхъ и новыхъ враговъ, частью на службу въ полку, которую Лермонтовъ разнообразилъ всякими чудачествами, кутежами и часто дерзкими выходками по отношенію къ требованіямъ формы и дисциплины. Многочисленные эпизоды его фронды общеизвѣстны. Онъ самъ разсказываетъ и о тѣхъ непозволительныхъ пріемахъ, съ помощью которыхъ онъ создавалъ себѣ «пьедесталъ» для того, чтобы занять положеніе въ высшемъ свѣтѣ. Такова, напримѣръ, некрасивая исторія съ Сушковой, которую онъ увлекъ только для того, чтобы прослыть въ свѣтѣ опаснымъ донъ-Жуаномъ. Попрежнему Лермонтовъ одиноко шелъ къ своимъ поэтическимъ цѣлямъ и жилъ въ замкнутомъ кругѣ своихъ думъ и чувствъ. Міровоззрѣніе Лермонтова—и въ болѣе позднее время совсѣмъ не отличалось опредѣленностью. Въ произведеніяхъ Лермонтова этихъ лѣтъ прозвучали довольно бравурно двѣ-три патріотическія нотки въ тонѣ оды Пушкина «Клеветникамъ Россіи», но замолкли, не найдя отклика въ душѣ самого поэта. Любовь Лермонтова къ родинѣ чужда была показному казенному усердію. Вліяніе на Лермонтова офиціальнаго «патріотизма» было ничтожно.

Гораздо значительнѣе сказались на Лермонтовѣ народническо-славянофильскія настроенія. Подъ ихъ вліяніемъ Лермонтовъ изучаетъ сборникъ былинъ Кирши Данилова и плодомъ ихъ изученія является «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ», (сюжетъ которой, однако, навѣянъ одной московской исторіей, современной Лермонтову). Это одно изъ наиболѣе оригинальныхъ и вполнѣ русскихъ произведеній Лермонтова.

Отчасти интересомъ къ старинѣ была подсказана и тема поэмы «Боярин Орша», написанной еще въ 1835 году и нѣсколько разъ передѣланной поэтомъ. Впрочемъ, Лермонтова интересовали въ обоихъ случаяхъ не столько черты старины, сколько—обрисовка сильныхъ характеровъ. Отъ дряблаго поколѣнія людей «къ добру и злу позорно равнодушныхъ» душа Лермонтова уносилась въ міръ людей, словно высѣченныхъ изъ гранита, словно вылитыхъ изъ стали, такихъ людей, какъ, напр., купецъ Калашниковъ, умѣвшій постоять за честь своего рода и свою и безтрепетно глядѣвшій въ глаза смерти. Въ пустынѣ свѣта не было такихъ характеровъ; холодно и одиноко жилось поэту безъ вѣры, безъ любви, безъ дружбы, безъ ясно намѣченной цѣли жизни. Тяжелое душевное настроеніе отражается на его лирическихъ настроеніяхъ:

Гляжу на будущность съ боязнью,
Гляжу на прошлое съ тоской
И, какъ преступникъ передъ казнью,
Ищу кругомъ души родной...

Но для творчества поэта нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ «пустынѣ свѣта», не прошли безплодно. Они обогатили его рядомъ интересныхъ наблюденій надъ жизнью свѣтскаго общества и свѣтской молодежи и дали матеріалъ для многихъ сценъ драмы «Маскарадъ».

Смерть Пушкина глубоко потрясла Лермонтова, какъ и все образованное общество, и, конечно, отношеніе къ этому трагическому эпизоду русской жизни со стороны свѣтскаго общества возмутило Лермонтова до крайнихъ предѣловъ. Не разъ и лично оскорбленный высшимъ обществомъ, считавшимъ поэта выскочкой, только втершимся въ свѣтъ, Лермонтовъ испытывалъ чувство личнаго удовлетворенія, когда закончилъ свое полное скорби и огненнаго негодованія стихотвореніе уничтожающимъ обращеніемъ къ «надменнымъ потомкамъ извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ».

— Вы, жадною толпой стоящіе у трона,
Свободы, генія и славы палачи
Таитесь вы подъ сѣнью закона,

Предъ вами судъ и правда — все молчи.
Но есть и грозный судъ, наперстники разврата,
Есть грозный судія, онъ ждетъ...

За эти послѣднія 6 строкъ Лермонтовъ былъ переведенъ съ тѣмъ же чиномъ въ Нижегородскій драгунскій полкъ на Кавказъ.

V.

Къ счастью, на этотъ разъ пребываніе Лермонтова на Кавказѣ было непродолжительно: 9 апрѣля 1838 г. Лермонтовъ былъ возвращенъ въ прежній полкъ въ Царское Село. Но пребываніе на Кавказѣ было богато впечатлѣніями и благотворно для таланта Лермонтова.

Лермонтовъ встрѣтился съ новыми и интересными людьми, между прочимъ, съ кружкомъ декабристовъ (Бестужевъ, Палицынъ, Голицынъ, Назимовъ, Нарышкинъ, Одоевскій и др.), находившихся въ отличныхъ отношеніяхъ съ докторомъ Майеромъ, человѣкомъ замѣчательнымъ во многихъ отношеніяхъ. Майеръ сгруппировалъ около себя на Кавказѣ лучшихъ людей и оказалъ на своихъ друзей самое благотворное вліяніе. Съ него Лермонтовъ писалъ своего Вернера. Правда, Лермонтовъ и въ этомъ кружкѣ не отказывался отъ своей манеры шутить и этимъ утомлялъ своихъ новыхъ друзей, но съ Назимовымъ и Вревскимъ Лермонтовъ велъ себя серьезно и никогда не допускалъ неумѣстныхъ шутокъ. Самая атмосфера дѣловой военной жизни была болѣе благопріятна для Лермонтова, чѣмъ салонно-гвардейскія знакомства Петербурга.

Впечатлѣнія кавказской жизни почти цѣликомъ вошли въ романъ «Герой нашего времени».

Вернувшись въ Петербургъ, послѣ яркихъ впечатлѣній Кавказа и знакомства съ новыми людьми, Лермонтовъ еще сильнѣе почувствовалъ ничтожество столичнаго общества. Служба вызвала только чувство усталости, свѣтская молодежь производила на Лермонтова впечатлѣніе «сада, въ которомъ хозяйскія ножницы уничтожили все своеобразное». Именно къ этой молодежи относится характеристика «нашего поколѣнія» въ нѣсколько сбивчивомъ и запутанномъ стихотвореніи «Дума». «Къ добру и злу постыдно равнодушны и передъ властію постыдные рабы». Нечего, конечно, и говорить, что это стихотвореніе никоимъ образомъ не относилось къ той молодой Россіи, представителями которой являлись московскіе кружки Герцена, Бѣлинскаго, Станкевича, Аксаковыхъ. «Дума», конечно, не содѣйствовала сближенію со свѣтской молодежью. Поэтическіе успѣхи Лермонтова, открывшіе ему двери многихъ аристократическихъ салоновъ, увеличивали вражду свѣта и офиціальныхъ круговъ. Лермонтовъ часто нарушалъ требованія этикета, тяготился фронтовой службой, дразнилъ самолюбіе ничтожныхъ людей своими насмѣшками и своимъ презрительнымъ видомъ. Боденштетъ разсказываетъ о столкновеніи Лермонтова съ княземъ Васильчиковымъ. Есть указанія, что Лермонтовъ принималъ участіе и въ столкновеніи его друга Монго-Столыпина съ какой-то очень высокопоставленной особой. На маскарадѣ подъ Новый годъ въ 1840 году, гдѣ присутствовали высочайшія особы, Лермонтовъ позволилъ себѣ нарушеніе этикета по отношеніи къ двумъ роскошнымъ домино, розовому и голубому, подъ которыми скрывались двѣ сестры высокаго общественнаго положенія. Вѣроятно, въ связи съ упомянутымъ выше эпизодомъ на маскарадѣ находится стихотвореніе «Первое января», въ которомъ поэтъ желаетъ «дерзко бросить въ глаза» бездушнымъ «образамъ» людей, этимъ жалкимъ маскамъ, приличьемъ стянутымъ, «желѣзный стихъ, облитый горечью и злостью». Слѣдуетъ отмѣтить, что осенью 1839 года Лермонтовъ вмѣстѣ съ Монго-Столыпинымъ примкнулъ къ одному нелегальному обществу—«кружку шестнадцати», составившемуся частью

изъ университетской молодежи, частью изъ кавказскихъ офицеровъ. Въ кружкѣ съ полной непринужденностью и свободой бесѣдовали о русской жизни, такъ, какъ если бы вовсе не существовало III Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи.

Интрига и сплетня не дремали. Весьма непочтенную роль беретъ на себя графъ В. А. Соллогубъ, авторъ извѣстной повѣсти «Тарантасъ», лично ненавидѣвшій Лермонтова, который ухаживалъ за его женой. Въ своихъ позднѣйшихъ воспоминаніяхъ онъ сознается, что написалъ «по заказу великой княгини Маріи Николаевны повѣсть «Большой свѣтъ». А въ другомъ мѣстѣ воспоминаній признается, что въ героѣ этой повѣсти Леонинѣ вывелъ Лермонтова.

Повѣсть Соллогуба заслуживаетъ того, чтобы быть перечитанной. Это грязный и безсовѣстный пасквиль на Лермонтова, разсчитанный на то, чтобы уязвить самолюбіе Лермонтова и, объяснивъ всѣ его дѣйствія и побужденія съ самой дурной стороны, уронить въ общественномъ мнѣніи, а самаго поэта довести вслѣдствіе раздраженія до какого-нибудь необдуманнаго поступка. Въ романѣ Соллогуба Леонинъ — армейскій офицеръ, прикомандированный къ гвардіи. Онъ пренебрегъ дѣвушкой своего круга, чтобы при помощи красавицы графини Воротынской сдѣлать себѣ карьеру. Ему мерещится уже андреевская лента, а между тѣмъ дома при сальномъ огаркѣ его ждетъ толпа кредиторовъ, пришелъ непріятный приказъ изъ полка. Графиня Воротынская, на самомъ дѣлѣ, только играетъ ничтожнымъ Леонинымъ, какъ свѣтская кокетка. Когда же взбѣшенный неудачами Леонинъ зоветъ соперника на дуэль, тотъ отказывается отъ нея. Леонина высылаютъ изъ Петербурга, и вотъ послѣдняя картина въ театрѣ: въ ложахъ собрался весь бо-мондъ, но о Леонинѣ ни слова, всѣ уже успѣли забыть о немъ. «Леонинъ былъ слишкомъ ничтожный человѣкъ, чтобы обратить на себя вниманіе свѣта». Въ лицѣ Воротынской Соллогубъ хотѣлъ изобразить графиню Мусину-Пушкину, увлеченіе кото-

Воспоминание о Кавказѣ.
Картина масляными красками, работы М. Ю. Лермонтова.

Кавказскій видъ.
Картина масляными красками, работы М. Ю. Лермонтова.

рой у Лермонтова носило самый чистый и идеальный характеръ.

Въ 1855 году въ собраніи сочиненій Соллогуба романъ «Большой свѣтъ» вышелъ со стихотворнымъ посвященіемъ тремъ звѣздочкамъ. Проф. Висковатый сообщаетъ въ своей біографіи Лермонтова, что Соллогубъ самъ раскрылъ ему эти три звѣздочки. Посвященіе относилось къ императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ и двумъ великимъ княжнамъ, которымъ Соллогубъ читалъ повѣсть еще въ рукописи. Столкновеніе съ де-Барантомъ, затѣмъ дуэль съ нимъ и незаконное съ нимъ свиданіе въ Ордонансъ-гаусѣ рѣшили судьбу Лермонтова. Его присудили къ лишенію чиновъ и правъ состоянія, но заступничество великаго князя Михаила Николаевича и на этотъ разъ спасло Лермонтова, и по Высочайшему повелѣнію поручикъ Лермонтовъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ Тенгинскій пѣхотный полкъ на Кавказѣ.

Вторая ссылка на Кавказъ тоже была непродолжительна. Лермонтовъ принималъ участіе въ бояхъ и походахъ, и начальство было имъ очень довольно. Но военнаго задора у поэта никогда не было. Поэтъ, искренне сочувствовавшій горцамъ въ ихъ борьбѣ за независимость, въ своемъ стихотвореніи «Валерикъ», написанномъ послѣ жаркаго боя, высказываетъ отрицательное отношеніе къ завоевательнымъ войнамъ. Онъ удивляется человѣку и не понимаетъ его:

... небо ясно:
Подъ небомъ мѣста много всѣмъ,
Но непрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ. Зачѣмъ?

Картина боя, гдѣ люди кидаются другъ на друга, какъ звѣри, не наполняла его души воинственнымъ восторгомъ. Лермонтовъ давно уже подумывалъ объ отставкѣ, но отставки ему не давали.

Съ трудомъ удалось получить ему отпускъ въ Петербургъ. Но офиціальные круги продолжали относиться къ нему враждебно. Вмѣсто отставки ему приказано было поторопиться съ отъѣздомъ къ мѣсту службы, а въ догонку послано секретное предписаніе, воспрещавшее

удалять изъ фронта поручика Лермонтова. Такъ закрывалась всякая надежда вырваться изъ среды дикихъ и некультурныхъ обывателей Кавказа и освободиться отъ гнета тяжелой и ненужной ему службы.

На этотъ разъ «освобожденіе» шло съ другой стороны... Не прошло и двухъ недѣль со дня полученія секретнаго предписанія, какъ Лермонтова не стало. Съ тяжелыми предчувствіями близкой смерти ѣхалъ Лермонтовъ на Кавказъ. Надъ Лермонтовымъ повисла иная опасность, которую, быть можетъ, чувствовали и его друзья. Возможно, что не случайно уѣхалъ на Кавказъ въ слѣдъ за поэтомъ и Столыпинъ, его близкій другъ: на Кавказѣ оказался и кн. Васильчиковъ, тотъ самый, котораго,по свидѣтельству Боденштета, лично переданному проф. Висковатому, не разъ обидѣлъ Лермонтовъ *). Роль кн. А. И. Васильчикова въ отношеніи Лермонтова довольно загадочна и двусмысленна. Принадлежа къ высшему свѣту, кн. Васильчиковъ добровольно покидаетъ Петербургъ и попадаетъ вмѣстѣ съ Лермонтовымъ въ Пятигорскъ. Много лѣтъ спустя, Васильчиковъ читалъ воспоминанія о поэтѣ, въ которыхъ подъ лицемѣрной формой дружественности и сочувствія къ поэту сообщаетъ о немъ много несимпатичныхъ и невѣрныхъ чертъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы Лермонтова заботливо оберегали на Кавказѣ отъ несчастья.

Ссору съ Н. С. Мартыновымъ не предотвратили. Къ примиренію поссорившихся тоже не было принято надлежащихъ мѣръ, хотя Мартыновъ и увѣрялъ въ своемъ показаніи, что «Глѣбовъ и Васильчиковъ всѣми силами старались уговорить меня взять назадъ свой вызовъ». Самыя условія дуэли—стрѣлять до трехъ разъ—были чрезвычайно строги и тяжелы. Какимъ-то страннымъ случаемъ въ маленькомъ Пятигорскѣ не удалось устроить для примиренія встрѣчи Мартынова съ Лермонтовымъ. Наконецъ, во время самой дуэли Лермонтовъ былъ поставленъ въ менѣе благопріятныя условія, чѣмъ его противникъ. Дуэль происходила такъ, что противники стояли по склону Машука, и Мартынову, стоявшему ниже, лицомъ къ Машуку, легче и удобнѣе было стрѣлять, чѣмъ его противнику. Лермонтовъ держалъ дуло пистолета вверхъ, вѣроятно, желая выстрѣлить, какъ и въ дуэли съ Барантомъ, въ воздухъ. Мартыновъ подошелъ къ самому барьеру и, долго цѣлясь, послалъ, наконецъ, свою пулю въ грудь поэта. Разразилась гроза. Всѣ секунданты, друзья и враги, покинули сраженнаго на смерть поэта, и тѣло его лежало нѣсколько часовъ подъ грозой и ливнемъ, пока, наконецъ, въ 10 часовъ вечера привезли линейку за трупомъ. На этотъ разъ русскій геній палъ отъ руки русскаго же человѣка, а не иностранца. И это не удивительно. Вся русская жизнь этой ужасной эпохи была убійственна для генія. Некультурность общества сказывалась во всемъ. Пятигорскій священникъ Эрастовъ не хотѣлъ хоронить Лермонтова, опасаясь кары свыше. А хозяинъ дома, гдѣ жилъ Лермонтовъ, позвалъ того же Эрастова, чтобы святой водой очистить квартиру отъ злого духа—Лермонтова. И священникъ пошелъ на приглашеніе и кропилъ комнаты святой водой. Когда Мартыновъ, присужденный къ церковному покаянію, отбывалъ его въ Кіево-Печерской Лаврѣ, онъ сдѣлался модным героемъ самыхъ красивыхъ дамъ города. А въ мѣстной гимназіи молодежь раздѣлилась на двѣ партіи, причемъ партія, стоявшая всецѣло на сторонѣ Мартынова, считалась «русской».

*) Намъ въ свое время объ этомъ подробно говорилъ проф. Висковатовъ, выражавшій цѣлый рядъ опредѣленныхъ подозрѣній.

VI.

Переходя къ общей оцѣнкѣ поэзіи Лермонтова, нельзя не отмѣтить большого разнообразія точекъ зрѣ-

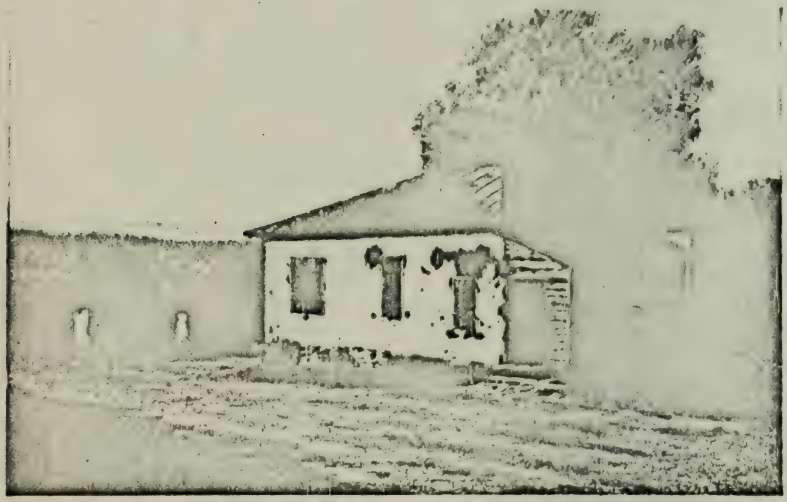
нія на поэта, что говоритъ, конечно, о многоцѣнности и глубинѣ поэта.

Наиболѣе отвлеченной и нѣсколько фантастической и ненаучной является та точка зрѣнія, согласно которой творчеству Лермонтова придается исключительно внѣвременный и внѣпространственный характеръ.

Другая точка зрѣнія: «Лермонтовъ былъ несомнѣнно поэтъ, и поэтъ данной эпохи» (Пыпинъ), являясь прямо противоположной вышеприведенной, страдаетъ суженіемъ значенія Лермонтова.

Въ его творчествѣ несомнѣнно были и черты бытовыя—историческіе и общечеловѣческіе мотивы. Конечно, Лермонтовъ ненавидѣлъ прежде всего мѣщанство и пошлость фамусовской Россіи, эпохи Бенкендорфа и Дубельта, и былъ такимъ же протестантомъ-революціонеромъ въ отношеніи къ ней, какъ Пушкинъ, какъ герой грибоѣдовской комедіи Чацкій. Но у Лермонтова мы встрѣчаемъ отрицательное отношеніе и къ «мѣщанству» самой жизни по существу, въ чемъ дѣйствительно нельзя не видѣть чертъ общихъ у Лермонтова съ Чеховымъ. Лермонтовъ ненавидѣлъ «обыденное» во имя ярко-индивидуальнаго и это одна изъ причинъ разочарованія его въ жизни.

Это разочарованіе явно носитъ всѣ особенности платоновскаго идеализма. У Лермонтова тоже неясное предчувствіе иного міра,—«истинно-сущаго». Все, что въ жизни напоминаетъ хоть отчасти объ этомъ «истинно-сущемъ», вѣчномъ, прекрасномъ и совершенномъ мірѣ, — наполняло Лермонтова тоской объ утерянной родинѣ и презрѣніемъ къ мѣщанской дѣйствительности. Но о лучшемъ, истинномъ мірѣ сохранились у поэта только смутныя воспоминанія, неясныя, какъ звуки пѣсни «Ангела», какъ потускнѣвшія очертанія родного аула въ душѣ Мцири. Звукъ пѣсни, живой, но безъ словъ, безъ опредѣленнаго содержанія, звенѣлъ въ душѣ поэта непрерывно, отвращая его отъ обыденнаго въ неясную даль воспоминаній, мечты, фантазіи. Душа Лермонтова «съ дѣтскихъ лѣтъ чудеснаго искала». Но разумъ побѣдилъ въ немъ черты мистическаго



Домикъ М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскѣ.
(Съ акварели А. А. Бильдерлинга).

настроенія. Лермонтовъ ненавидѣлъ и любилъ жизнь, любилъ ее горячо, пылко провидя возможность ея разрыва съ мѣщанствомъ. Жизнь сама по себѣ ярка и прекрасна. Въ Лермонтовѣ глубоко таились въ душѣ сѣмена искренней вѣры въ достоинство жизни и человѣческой личности. Нужно только порвать съ мѣщанствомъ хотя бы путемъ полнаго обособленія отъ него, путемъ гордаго одиночества. И, смѣло идя на путь этого одиночества, Лермонтовъ глубоко чувствовалъ въ то же время ужасъ одиночества, которое превращало человѣка въ «дубовый листочекъ, оторвавшійся отъ вѣтки родимой».

Лермонтовскій гротъ.
(Съ картины Г. П. Кондратенка)

Презрѣніе къ людямъ и гордая одинокая обособленность въ отношеніи къ нимъ роднила Лермонтова съ Байрономъ.

Вопросу объ отношеніи Лермонтова къ Байрону посвящено нѣсколько критическихъ статей. Наиболѣе интересная изъ нихъ статья Спасовича, который, однако, совершенно несправедливо умаляетъ самостоятельность Лермонтова, преувеличивая вліяніе на него англійскаго поэта Байрона.

Но онъ же признаетъ, что авторъ «Маскарада» и «Героя нашего времени» по методу безпощаднаго психологическаго анализа выходитъ далеко за предѣлы круга байроновскаго вліянія и главенства. И въ цѣломъ рядѣ лирическихъ стихотвореній Спасовичъ видитъ коренныя черты міровоззрѣнія поэта, которое имѣетъ свой «особенный характеръ». «Байроническія» настроенія, вытекая изъ общихъ условій эпохи, были свойственны многимъ современникамъ Байрона, не будучи у него заимствованы. Тотъ же авторъ указываетъ произведенія Лермонтова, настроеніе которыхъ «болѣе байроновское», чѣмъ у самого Байрона. Точно также и поэма «Демонъ» и «Мцыри» вполнѣ самобытны и геніальны. Сопоставляя «Демона» съ «Каномъ», Спасовичъ не находитъ въ этихъ произведеніяхъ ничего общаго. «Демонъ» — произведеніе въ своемъ родѣ единственное, выходящее за предѣлы байроновской поэзіи. Вообще неправильно приписывать одному Байрону то настроеніе, которое получило въ литературѣ названіе байронизма. «Можно было начать съ чтенія Нодье и Шатобріана и самостоятельно додуматься до типа Гяура, Корсара и Лары» (Н. Котляревскій).

Владиміръ Соловьевъ отчасти правъ, когда усматриваетъ въ Лермонтовѣ родоначальника того духовнаго настроенія и того направленія чувствъ и мыслей, а отчасти и дѣйствій, которыя для краткости можно назвать «ницшеанствомъ». Но все же огромное разстояніе отдѣляетъ Лермонтова отъ Ницше въ отношеніи къ жизни, родинѣ, гражданскому долгу и многимъ другимъ вопросамъ. Глубоко вросъ Лермонтовъ въ условія окружающей его жизни, и видѣть въ немъ только чисто субъективнаго художника, представителя чистаго искусства, безъ времени и пространства, было бы равносильно полному

Демонъ

I.

Печальный демонъ, духъ изгнанья,
Летавшій подъ сводомъ голубымъ,
И лучшихъ дней воспоминанья
Чредой тѣснившихъ передъ нимъ;
Тѣхъ дней, когда онъ небесъ незлобнымъ,
Когда глядѣлъ на славу Бога
Не отвращаясь отъ него,
Когда заботы и тревоги
Чуждалися ума его,
Когда онъ всѣмъ чистымъ мыслямъ
И много иного... и всѣхъ
Представить не могъ онъ самъ.

Узналъ предмѣ его тоска.
Въ мѣстѣ міра — и на вѣтвь
Прикованный — не была

пути ихъ всегда ждетъ полное разочарованіе... Остается месть злой и нелѣпой судьбѣ или дерзкій ей вызовъ.

Во всѣхъ самыхъ раннихъ произведеніяхъ поэта мы встрѣчаемъ одну и ту же мысль—о великомъ призваніи сильнаго человѣка, о печаляхъ и страданіяхъ, сопутствующихъ подвигамъ избранной натуры, о женской любви, поддерживающей человѣка и способной его спасти, и о разочарованіи и несчастьи въ любви.

Герои юношескихъ драмъ Лермонтова (Юрій Волинъ, Арбенинъ, Радинъ) довѣрчиво вступаютъ въ жизнь и всегда приходятъ къ полному въ ней разочарованію. Они послѣдовательно разувѣриваются въ дружбѣ, семейной привязанности, наконецъ любви. Надъ Александромъ Радинымъ потеряли всякую власть даже семейныя узы, и онъ хладнокровно переноситъ смерть отца. Нѣтъ у него и друзей. Онъ одинокъ, какъ Печоринъ. Также стойко и холодно переживаетъ Радинъ разочарованіе и въ женщинѣ. Одинъ изъ монологовъ Радина знакомитъ насъ почти цѣликомъ съ настроеніями Печорина и даетъ объясненіе того, какъ могъ сложиться подобный типъ.

Радинъ, одинъ изъ героевъ Лермонтова, говоритъ: «Всѣ читали на моемъ лицѣ какіе-то признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали и они родились. Я былъ скроменъ, меня бранили за лукавство,—я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло; никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли я сталъ злопамятенъ... Я былъ готовъ любить весь міръ, меня никто не любилъ, и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ судьбой и свѣтомъ, лучшія чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубину сердца — они тамъ и умерли, я сталъ честолюбивъ, служилъ долго, меня обходили, я пустился въ большой свѣтъ, сдѣлался искусенъ въ наукѣ жизни, я видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы; въ груди моей возникло отчаяніе, не то, которое лечатъ пистолетомъ, но то отчаяніе, которому нѣтъ лекарства ни въ здѣшней, ни въ будущей жизни; наконецъ, я сдѣлалъ послѣднее усиліе — я рѣшился узнать, что значитъ быть любимымъ, и для того избралъ тебя... Богъ меня послалъ тебѣ, какъ необходимое въ жизни несчастье...»

Это настоящая біографія Лермонтова, напередъ предсказанная самимъ поэтомъ и повторенная въ «Героѣ нашего времени». Дальнѣйшимъ развитіемъ того же типа является «Измаилъ-бей».

Но не удержавшись отъ соблазна нарисовать въ немъ демоническій образъ возставшаго противъ людей человѣка, Лермонтовъ вноситъ въ эту поэму и другой мотивъ общечеловѣческаго характера—это конфликтъ идеи цивилизаціи съ идеей первобытной свободы. «Первобытная свобода доказала законность своей гибели». Эту неизбѣжную побѣду культуры Лермонтовъ изображаетъ и въ своемъ «Спорѣ». Съ истинно поэтическимъ провидѣніемъ предчувствуетъ онъ побѣду культуры, капитализма надъ дикой патріархальной стариной: «желѣзная лопата» врѣжетъ страшный, но необходимый слѣдъ въ дикихъ горныхъ мѣстахъ, гдѣ прежде носились «лишь туманы да цари орлы».

Самымъ любимымъ образомъ, надъ которымъ Лермонтовъ работалъ всю жизнь, былъ «Демонъ». Это повѣсть любви Лермонтова къ В. А. Лопухиной, любви чистой и пламенной, которая не покидала Лермонтова въ теченіе всей его жизни, являясь для него и «оборонною отъ гордыхъ думъ и суеты».

В. А. Лопухина вышла замужъ за Бехметева, но ея душа таинственными нитями сердца была связана съ душой Лермонтова. О ней, можетъ быть, умѣстно сказать то, что Лермонтовъ говоритъ о Тамарѣ:

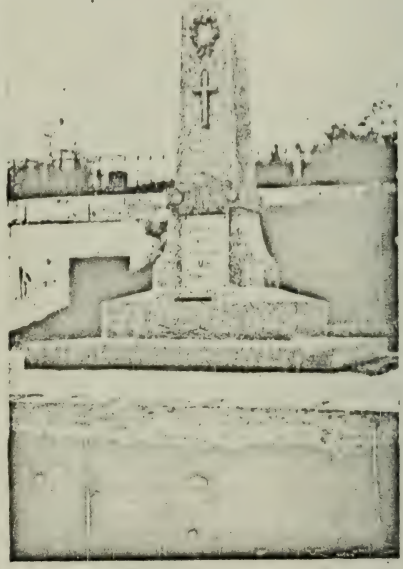
Святымъ захочетъ ли молиться,
А сердце молится ему.

Оставляя въ сторонѣ анализъ варіантовъ «Демона», для которыхъ

ничего не сдѣлала старательная, но чуждая откровенiй работа проф. Абрамовича,—(Академ. изд. соч. Лермонтова) мы разсматриваемъ это произведенiе въ варiантѣ 1838 года и въ особенности въ варiантѣ 1841 года, который посвященъ В. А. Бахметевой и носитъ слѣды послѣдней авторской редакцiи, наиболѣе соотвѣтствуя и настроенiямъ писателя. Въ этихъ варiантахъ фантастическiй элементъ отступаетъ на второй планъ—на первомъ мѣстѣ психологическая задача, находящаяся въ связи съ одной кавказской легендой—возрожденiя злого духа при посредствѣ любимой дѣвушки.

Демонъ Лермонтова вовсе не символъ исконнаго, предвѣчнаго зла, это не сатана. Зло не было принципомъ его жизни. Оно явилось какъ бы въ отместку за разочарованiе жизни. Демонъ — просто страдающiй отъ разочарованiя идеалистъ. Его ненависть къ людямъ слишкомъ человѣчна. Любовь къ Тамарѣ сразу перерождаетъ его. И Тамара отдается этой любви, увѣренная въ искренности намѣренiй Демона. Но тутъ начинается роковая сторона этой любви. Демонъ не созданъ для блаженства, для мѣщанскаго счастья. Это духъ болѣе мятежный, чѣмъ порочный. Съ момента обладанiя, удовлетворенности, начинается пошлая проза жизни. И самъ Лермонтовъ искренно понималъ, что не созданъ для семейнаго счастья. Его мятежная душа, не мирящаяся съ дѣйствительностью, внесла бы страданiе и борьбу и въ семейный оазисъ. Порывъ бушующаго моря захлестнулъ бы утлый челнъ семейнаго затишья. Лермонтовъ принесъ бы въ свою семью только тревогу и страданiе и сдѣлалъ бы свою любовь общимъ несчастiемъ.

Душа поэта боялась больше бурь, больше страданiй и одиночества. Быть можетъ, именно сознавая это, Лермонтовъ не рѣшался сдѣлать предложенiе В. А. Лопухиной въ тѣ годы, когда это было возможно и онъ могъ разсчитывать на полную взаимность. Быть можетъ, именно сознавая свою непригодность къ тихому семейному счастью, Лермонтовъ примирился съ замужествомъ той, которую онъ беззавѣтно любилъ и о счастьѣ которой такъ трогательно молился:



Памятникъ М. Ю. Лермонтова на Пятигорскомъ городскомъ кладбищѣ.

Окружи счастiемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманiя,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованiя.

И вотъ почему бѣдный Демонъ—Лермонтовъ остается «надменный одинъ, какъ прежде, во вселенной, безъ упованья и любви».

Въ поэмѣ Лермонтова отразились настроенiя, созданныя и особенностями русской жизни. Его герой не знаетъ, куда направить свою энергiю. Всѣ герои Лермонтова чувствовали,

что такъ жить нельзя, но какъ нужно жить—не знали...

Ближайшимъ къ Демону типомъ лермонтовскаго творчества является Арбенинъ въ обѣихъ редакціяхъ драмы «Маскарадъ».

Впрочемъ, психологія Арбенина разработана Лермонтовымъ спѣшно и неглубоко.

Арбенинъ такъ же, какъ Демонъ, во всемъ былъ разочарованъ, дошелъ до полнаго отрицанія міра, также не зналъ, куда приложить свои богатыя силы, физическія и духовныя, и также «черствая кора» эгоизма слетѣла съ его души подъ вліяніемъ любви, и во второмъ варіантѣ драмы онъ такъ же, какъ Демонъ, навѣки удаляется неизвѣстно куда и зачѣмъ, послѣ того какъ убѣждается, что любовь для него невозможна, — съ тою, однако, разницей, что здѣсь во второмъ варіантѣ женщина тоже отчасти виновата въ разрывѣ, такъ какъ даетъ къ этому легкій поводъ.

Впрочемъ, психологія Арбенина разработана Лермонтовымъ спѣшно и неглубоко. Въ Арбенинѣ черты эгоизма и безпринципнаго и полнаго пессимизма достигли крайняго предѣла. Дальше въ этомъ отношеніи итти было невозможно. Необходимо было остановиться, чтобы разрѣшить вопросъ, куда итти, гдѣ найти исходъ своимъ настроеніямъ, какое назначеніе, какой смыслъ жизни утвердить въ своемъ собственномъ сознаніи для оправданія жизни. Необходимо было начать длинную работу нравственнаго возрожденія или перерожденія. Лермонтовъ только подумывалъ выйти на этотъ путь, когда смерть отняла его у русской литературы.

Въ «Героѣ нашего времени» мы видимъ уже серьезную попытку болѣе сложной и болѣе мотивированной психологіи новаго человѣка.

Печоринъ—это несомнѣнно реальный типъ, возможный въ русскомъ обществѣ, это отчасти самъ Лермонтовъ, взятый преимущественно въ своихъ отрицательныхъ чертахъ, подобно тому, какъ Онѣгинъ — это Пушкинъ, въ его худшей, не поэтической части. Не случайно Лермонтовъ назвалъ своего героя по имени рѣки Печоры, которая течетъ недалеко отъ Онѣги. Родство героевъ съ ихъ авторами несомнѣнно. Также несомнѣнна для насъ и родственная близость обоихъ литературныхъ типовъ, поскольку, конечно, разница въ темпераментѣ и характерѣ обоихъ поэтовъ и различіе эпохъ не мѣшали этой близости. И Печоринъ, и Онѣгинъ принадлежатъ къ одному и тому же психологическому типу, типу лишнихъ людей. Это люди, которые по мѣткому опредѣленію автора книги «О русской интеллигенціи», «не могли осуществить своей общественной цѣнности, потому что съ обществомъ своего круга они не уживались, а другой среды найти не умѣли». Они не могли найти себѣ достойное ихъ дарованій дѣло и потому явились вѣчными странниками въ русской жизни, одинокими, тоскующими вслѣдствіе сознанія пустоты и ненужности своего существованія. Вопросъ о степени близости Онѣгина и Печорина остается до нѣкоторой степени спорнымъ. Но связь Печорина со всѣми другими героями произведеній Лермонтова не подлежатъ сомнѣнію. Арбенинъ, Радинъ, Арсеній, Измаилъ, Демонъ, Печоринъ—звенья въ развитіи одного и того же типа. Типъ этотъ хорошо извѣстенъ и всесторонне разработанъ въ русской критикѣ (Чит. Д. Н. Овсянико-Куликовскаго: «Очерки русской интеллигенціи». См. также мою статью о Лермонтовѣ «Ист. русск. литературы XIX вѣка»).

Наибольшее сходство, по вѣрному замѣчанію Н. А. Котляревскаго, Печоринъ имѣетъ съ Радинымъ: у нихъ тѣ же черты холодной сдержанности и эгоизма, какъ слѣдствія горькаго житейскаго опыта. Другія черты Печорина: его чуткость ко всему поэтичному, его страстность и несчастная сердечная исторія, взяты отъ брата Александра Радина—Юрія—идеалиста, мечтателя и обманутаго жениха. Такимъ образомъ, въ Пе-

чоринѣ соединены два момента въ развитіи самого автора — моментъ отзывчиваго увлеченія и моментъ холоднаго недовѣрія, какъ слѣдствія обманутыхъ надеждъ. Отличаетъ Печорина отъ Лермонтова весьма существенная черта—его бездѣлье и полная безцѣльность существованія. Впервые мы встрѣчаемъ Печорина въ повѣсти «Княгиня Лиговская». Здѣсь о немъ мы узнаемъ немного. Это гордый человѣкъ, желавшій играть роль, оскорбленный равнодушіемъ свѣта, обманутый женщиной и потому вымещающій на другой обиды своего оскорбленнаго самолюбія. Но повѣсть осталась недоконченной и брошенной послѣ того, какъ Лермонтовъ побывалъ на Кавказѣ. Вмѣстѣ съ поэтомъ и Печоринъ сталъ серьезнѣе и сложнѣе, являясь «героемъ» своего времени.

Памятникъ на могилѣ М. Ю. Лермонтова въ часовнѣ села Тарханъ.

Передъ нами богато одаренный человѣкъ, стройный, широкоплечій, ловкій, искусный во всѣхъ видахъ спорта; онъ нервенъ и капризенъ, склоненъ къ скрытности. Въ его улыбкѣ было что-то дѣтское, но его глаза не смѣялись, когда онъ смѣялся. Это обаятельная личность. Онъ способенъ къ глубокой любви, воспріимчивъ къ красотамъ природы; натура поэтическая; вмѣстѣ съ тѣмъ умный и остроумный человѣкъ. Весь сотканъ изъ противорѣчій. Холоденъ, когда другіе въ восторгѣ. Готовъ пылать при видѣ чужой холодности. Разумъ и сердце у него не въ ладу другъ съ другомъ. Несмотря на кажущійся цинизмъ, онъ способенъ къ нѣжнѣйшей любви. Эгоистъ, но способенъ къ альтруистическимъ порывамъ. На дружбу и друзей да и вообще на всѣхъ людей онъ смотритъ только какъ на пищу, поддерживающую его душевныя силы. Все разсматриваетъ онъ только въ отношеніи къ самому себѣ. Возбужденіе въ другихъ чувства любви и преданности доставляетъ ему необъятное наслажденіе. Друзей онъ не признаетъ, такъ какъ одинъ изъ друзей непремѣнно рабъ другого. Тѣмъ не менѣе Печоринъ не настолько занятъ собою, чтобы не быть способнымъ интересоваться другими людьми и ихъ поступками. Въ молодости Печоринъ былъ преисполненъ лучшихъ свойствъ, но люди не оцѣнили его, подозрѣвали его, и онъ на зло имъ сдѣлался такимъ, какимъ по своей нравственной пошлости считали его люди. Печоринъ одаренъ всѣми данными, чтобы стать къ окружающей жизни въ нормальныя отношенія, но онъ не желаетъ этого самъ. Онъ желаетъ жить такъ... «безъ руля и вѣтрилъ», отдавшись теченію жизни и капризамъ своей своенравной натуры. У него есть правила чести, но морали онъ никакой не признаетъ. Онъ служитъ, но въ службѣ не ищетъ удовлетворенія своему честолюбію.

Повидимому, онъ не имѣетъ никакихъ убѣжденій, кромѣ одного презрѣнія къ рутинѣ и будничной морали. Въ религіи онъ немного скептикъ — будущее ему кажется безотраднымъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ чувствуетъ себя выше окружающихъ его людей, и дѣйствительно выше ихъ. Готовясь къ смерти, онъ невольно задаетъ себѣ вопросъ, зачѣмъ онъ жилъ, для какой цѣли родился, и дѣлаетъ предположеніе, что цѣль была «и вѣрно было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствовалъ въ душѣ моей силы необъятныя», говоритъ онъ и затѣмъ сознается, что «не угадалъ этого назначенія, что утратилъ пылъ благородныхъ стремленій, что его любовь никому не принесла счастья, потому что онъ ничѣмъ не жертвовалъ для тѣхъ, кого любилъ»... Признаніе въ высшей степени замѣчательное, если оно исходитъ отъ Печорина, а не автора. Д. Н. Овсянико-Куликовскій опредѣляетъ Печорина, какъ натуру «рѣзко-эгоцентрическую», и отсюда легко объясняются многія особенности его характера и поведенія: ненасытимая гордость, презрѣніе къ людямъ и вмѣстѣ потребность въ нихъ, — даже въ такихъ ничтожныхъ, какъ Грушницкій; преувеличенная «память сердца», переполняющая Печорина тяжелымъ осадкомъ былыхъ страданій. Печоринъ умѣетъ много давать другимъ, но, занятый всегда собою, не умѣетъ брать отъ нихъ. Онъ слишкомъ ярко чувствуетъ свою мысль, свое чувство и потому не можетъ удѣлять потребную долю вниманія мыслямъ, чувствамъ и настроеніямъ другихъ людей. Отсюда духъ противорѣчія, душа его недостаточно сильна «симпатическимъ воображеніемъ», которое служитъ проводникомъ отъ человѣка къ человѣку, и потому собственная мысль, свое чувство занимаютъ его сильнѣе всего.

Положительныя и отрицательныя черты искусно переплелись въ этомъ типѣ страннаго, но привлекательнаго человѣка. При всѣхъ своихъ недостаткахъ, — Печоринъ казался своимъ современникамъ личностью незаурядной, обаятельной, богатой душевными силами, въ которой таятся прекрасныя возможности. Бѣлинскій въ типѣ Печорина видѣлъ залогъ лучшаго будущаго.

Очевидно, многія психологическія нити связываютъ душу Печорина — Лермонтова съ лучшими его современниками: Бѣлинскимъ, Герценомъ и другими.

Не надо забывать, что Печоринъ явился въ эпоху безвременья—переходную эпоху, когда личность пробудилась отъ порабощенія ея государственностью, рвалась къ свободѣ и независимости, но не нашла еще путей къ своему освобожденію, не сумѣла даже, какъ слѣдуетъ, поставить на обсужденіе трудный и сложный вопросъ объ отношеніи своемъ къ обществу. Старое было уже разрушено, а новое еще не пришло. Въ такую эпоху человѣкъ—только «возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ и совершенный призракъ въ настоящемъ». Бѣлинскій, высказавшій приведенную мысль, правъ и въ томъ, что онъ говоритъ о «неясномъ и недоговоренномъ» въ романѣ. Въ переходное время эта неясность и недоговоренность вполнѣ понятны, а въ поэтическомъ произведеніи и необходимы: онѣ расширяютъ кругъ сочувствія, захватывая имъ людей разнаго типа, хотя и съ однородной психологіей неудовлетворенности и исканія.

Итакъ, не случайно было сочувствіе лучшей части русскаго общества Лермонтову-Печорину; вполнѣ логично и враждебное къ нему отношеніе другого міра—офиціальнаго. Такіе люди, какъ Печоринъ, были всегда на «дурномъ счету» у начальства, внушали подозрѣніе бдительнымъ Бенкендорфамъ, и не безъ основанія: въ эпоху «всеобщаго испуга» люди, способные не заражаться общимъ трепетомъ раболѣпства, представляли уже отрадное и цѣнное явленіе въ жизни. И пусть они

были «лишними» людьми съ точки зрѣнія всевластныхъ Бенкендорфовъ, отсылавшихъ ихъ подъ пули чеченцевъ,—съ точки зрѣнія развитія общества они были необходимыми и полезными протестантами въ окаменѣломъ царствѣ покорности и страха подъ рабской личиной усердія.

Самъ Лермонтовъ стоитъ, конечно, неизмѣримо выше своего героя. Создавая Печорина, Лермонтовъ сгустилъ краски, выдвинулъ однѣ (дурныя) свои черты и только намеками далъ понять о существованіи другихъ. Печоринъ, конечно, только одинъ моментъ въ развитіи самого Лермонтова, только часть его и притомъ не самая лучшая. Безотрадный пессимизмъ Печорина не удовлетворилъ бы Лермонтова, да онъ и въ дѣятельности не остановился, не замеръ на немъ. Лермонтовъ былъ сложной, богато одаренной симпатичными чертами, высоко даровитой натурой. Онъ былъ религіознымъ человѣкомъ въ лучшемъ значеніи этого слова («Вѣтка Палестины», «Молитва», «Казачья пѣсня» и др.). Лермонтову были не чужды общественныя и политическія идеи его времени. У Лермонтова, какъ и у Пушкина, существовали нѣкоторые аристократическіе предразсудки, но они являлись для него опорою независимости и личнаго достоинства, они не мѣшали ему возмущаться крѣпостничествомъ и угодничествомъ русскаго общества. Любовь къ родинѣ, «странная любовь» Лермонтова говоритъ о его общественной зрѣлости. Глубокое чувство патріотизма, органически выросшее вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ, не омрачается въ немъ никакимъ квасным «бряцаньемъ»:

Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднаго мечтанья.

Любовь къ родинѣ сливалась у него въ одно настроеніе съ любовью къ родной природѣ и носила у Лермонтова пантеистическій характеръ. Природа производила на Лермонтова чудесное исцѣляющее дѣйствіе. («Когда волнуется желтѣющая нива»).

«Мракъ земли могильной» дорогъ Лермонтову, и, уносясь мечтою въ «надзвѣздные края», силою чувства онъ остается близокъ къ землѣ и жизни... Проклиная гнусную, тѣсную, испорченную жизнь, Лермонтовъ хотѣлъ настоящей жизни и вѣрилъ въ ея возможность. Есть Богъ въ «равнодушной» природѣ! Звѣзда съ звѣздою говоритъ, пустыня внемлетъ Богу, и поэтъ, умирая, не хочетъ вовсе исчезнуть, онъ хочетъ, чтобы «въ груди дремали жизни силы», чтобы сладкій голосъ пѣлъ про любовь и, вѣчно зеленѣя, склонялся и шумѣлъ надъ нимъ могучій дубъ. Чувство красоты въ природѣ чрезвычайно развито въ поэтѣ; и для него природа жива, она живетъ своей собственной жизнью, и человѣкъ можетъ слиться съ ней. Герой поэмы Лермонтова «Мцири» слышитъ «всѣ природы голоса». Жизнь заодно съ природой — освобожденіе отъ ужасовъ испорченной людьми жизни. Въ этихъ идеяхъ нетрудно увидѣть отраженія взглядовъ Ж. Ж. Руссо.

Но отдаваясь пантеистическому сліянію съ природой, Лермонтовъ не отряхалъ прахъ и отъ человѣческаго общества. Онъ искалъ выхода: одинъ изъ первыхъ, онъ поставилъ вопросъ объ отношеніи личности къ обществу, въ той, конечно, формѣ, какая была естественна въ эпоху романтизма, то есть въ формѣ вопроса объ отношеніи поэта къ обществу.

Здѣсь мы находимъ нѣсколько мыслей вполнѣ оригинальныхъ и симпатичныхъ. Въ стихотвореніи «Не вѣрь себѣ» обычное въ то время и слишкомъ утрированное презрѣніе «черни», поскольку рѣчь идетъ не о высшемъ обществѣ, смѣняется болѣе внимательнымъ отношеніемъ къ массѣ и ея страданіямъ. О людяхъ этой толпы Лермонтовъ говоритъ:

... изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!

Поэтъ можетъ пройти мимо толпы, гордо храня отъ нея свои страданія, но не долженъ презирать ее. Въ стихотвореніи «Поэтъ» высказывается мысль о служеніи обществу. Лермонтовъ скорбитъ о томъ времени, когда стихъ поэта

Какъ Божій судъ носился надъ толпой,
И, отзывъ мыслей благородныхъ,
звучалъ,
Какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.

И онъ спрашиваетъ поэта:

Проснешься-ль ты опять, осмѣянный
пророкъ,
Иль никогда на голосъ пѣнья
Изъ золотыхъ ножонъ не вынешь свой
клинокъ,
Покрытый ржавчиной презрѣнья.

И пусть въ двухъ другихъ стихотвореніяхъ («Журналистъ» и «Пророкъ») поэтъ закутывается вновь въ гордую тогу презрѣнія и «нищій бѣжитъ изъ городовъ», предыдущія стихотворенія не даютъ уже намъ права назвать Лермонтова человѣкомъ безучастнымъ къ общественной роли искусства. Также не былъ онъ безразличенъ и ко многимъ вопросамъ, волновавшимъ лучшую часть современнаго ему общества. Смерть Пушкина глубоко, до болѣзни взволновала его, а въ стихотвореніи, написанномъ по этому поводу, билось живое общественное негодованіе, достигшее высшей степени напряженія. Его сердце страдало въ унисонъ съ сердцемъ всей страны. Лермонтовъ, замкнутый въ своемъ надменномъ одиночествѣ, бывшемъ единственной формой самозащиты отъ всяческой фамусовщины, въ глубинѣ души жаждалъ единенія, нуждался въ связяхъ съ обществомъ.

Одиночество тяготило его, и онъ не случайно сравнивалъ себя съ дубовымъ листочкомъ, который оторвался отъ вѣтки родимой, — бѣднымъ листочкомъ, что «до срока созрѣлъ и вырос въ отчизнѣ суровой». Поэта влекло и къ болѣе спокойному творчеству, и къ болѣе уравновѣшенной жизни: «поутру ясная погода, подъ вечеръ тихій разговоръ»... Обаятельный образъ казачки-матери, добродушный Максимъ Максимовичъ, старый воинъ изъ стихотворенія «Бородино», купецъ Калашниковъ—свидѣтельствуютъ о томъ, что талантъ Лермонтова росъ и вширь и вглубь, и что художникъ выходилъ изъ субъективныхъ рамокъ творчества и впереди открывались для него безбрежныя художественныя дали.

Но поэтъ не созданъ былъ для міра «голубыхъ мундировъ», «страны господъ, страны рабовъ» и долженъ былъ погибнуть преждевременно, какъ погибъ Пушкинъ, морально погибъ Гоголь послѣ написанія своей «Переписки съ друзьями», какъ гибли всѣ лучшіе люди ужасной эпохи...

Общественно-литературное значеніе Лермонтова очень велико. Онъ лучшій выразитель тревогъ и исканій переходной эпохи. Его мятежная душа, ищущая бурь, вѣчно протестующая, вдохновляла и молодое поколѣніе, поддерживая въ немъ святое недовольство дѣйствительностью и жажду лучшаго будущаго. Его стихъ, кипящій негодованіемъ, тревожитъ совѣсть, толкаетъ впередъ, будитъ сонныхъ, возвѣщаетъ движеніе, взываетъ къ правдѣ и гуманности. Вотъ почему—это поэтъ преимущественно молодежи, вотъ почему Лермонтовъ въ наши дни популяренъ и любимъ въ рабочей средѣ. Это поэтъ молодости, поэтъ вѣчныхъ порывовъ, революціонной мечты, романтическаго увлеченія въ лучшемъ значеніи этого слова. Божественная мелодія звучала въ его душѣ и увлекала къ небу. А кто хоть разъ слышалъ звуки небесъ, тотъ уже никогда не помирится со скучными пѣснями земли. Недостатки же Лермонтова были недостатками его эпохи.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ПОЭТЪ. Съ 5 портретами, 9 рисунками въ текстѣ и 2 снимками съ рукописи и съ первого изданія стихотвореній Александра. Очеркъ *П. Н. Беркова.*

[illegible]

НАШИ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ СОКРОВИЩА. (Русскій Музей Императора Александра III въ С.-Петербургѣ). Съ 33 рисунками въ текстѣ, 2 картинами на фототипіи и 2 цвѣтными въ красокъ. Очеркъ *Эдуарда Гаудиа.*

[illegible]

КАКЪ ОБРАЗОВАЛАСЬ ЛАПА ЗЕМЛИ. Съ 30 рисунками, таблицей исторіи Земли и Луны и 2 цвѣтными въ краскахъ. Очеркъ *М. И. Горбунова.*

[illegible]

ЧУДЕСА РАСТИТЕЛЬНАГО МІРА. Съ 36 рисунками и 2 картинами въ краскахъ. Очеркъ *К. К. Сахарова.*

[illegible]

ВЪ СЕРДЦѢ АЗІИ. (Рамити Н. М. Пржевальскаго). Съ 29 рисунками, 2 картинами въ краскахъ и картой путешествій Н. М. Пржевальскаго. Очеркъ *П. К. Козлова.*

[illegible]

КАРТИНЫ ДОИСТОРИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВѢКА. Съ 35 рисунками и 3 картин. въ краскахъ. Антропологическій очеркъ *д-ра А. Д. Гилевича.*

[illegible]

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ. Съ 49 рисунками и 2 картинами въ краскахъ. Біологическій очеркъ *М. И. Сидорова.*

[illegible]

ВЪ СТРАНѢ СКАЛЪ И ОЗЕРЪ (Финляндія). Съ 40 рисунк., 5 картин. въ краскахъ и картою Финляндіи. Очеркъ прив.-доц. *В. И. Семевскаго.*

[illegible]

Продолженіе см. на 4-й стран. обложки.

EK 19.10.61

PG
3337
L4
Z82438

Arabazhin, Konstantin Ivanovich
Poét mirovoí skorbi

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 16 19 10 12 015 8